

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81

УДК 339.9

О. М. Рензин

Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии

Среди индикаторов, позволяющих оценить потенциальный уровень и эффективность развития интеграционных механизмов, важное место занимают показатели, характеризующие проводимую странами монетарную политику, принятие или отказ от применения отдельных финансовых инструментов, обеспечивающих международные торговые и инвестиционные процессы. С учетом этих позиций, при оценке экономических процессов, происходящих в Северо-Восточной Азии (далее – СВА), следует признать необходимым рассмотрение вариантов монетарной политики стран, входящих в этот регион. Они являются важной составляющей сценарных прогнозов развития не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, но и для глобальной финансовой системы, поскольку представления о мировой конфигурации экономических взаимодействий тесно связаны с реализацией в этом макро-регионе тех или иных стратегий формирования финансовой инфраструктуры. В статье рассматриваются тенденции, определяющие потенциальные изменения в форматах межгосударственных взаимодействий стран СВА, анализируется влияние стимулов и ограничений на использование региональных валют, оцениваются перспективы включения валют СВА в глобальные финансовые конфигурации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, мировая финансовая система, валютные инструменты, интеграционные процессы.

Существование устойчивой и эффективной валютной инфраструктуры, поддерживаемой двусторонними или многосторонними межгосударственными договорами, является одним из важных условий участия стран в международном разделении труда. Она позволяет стабилизировать взаимоотношения входящих в мировую систему экономик, одновременно защищая их от неблагоприятных финансовых коллизий на внешних рынках.

В числе альтернативных вариантов, позволяющих определить наиболее эффективную конфигурацию монетарного взаимодействия, могут быть несколько моделей, хорошо описанных в научной литературе. [Chown J., 2008. С. 136 –

149] Это либо использование общепринятых в мировой практике расчетных валют, либо конструирование специальных локальных инструментов, позволяющих повысить эффективность организации финансовых потоков, либо использование для внешнеэкономических операций одной из национальных валют, эмитированных странами-контрагентами.

Ответы на вопросы, какая из монетарных моделей окажется предпочтительнее для стран СВА, какие тенденции будут определять структурные сдвиги в валютном инструментарии, зависят от многих влияний, возникающих как в самих национальных экономиках, так и в их внешнем окружении – ближнем (региональном) и дальнем (глобальном).

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, зам. директора, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: renzin@ecrin.ru

Теоретически проблема формирования валютного инструментария тесно связана с созданием эффективных режимов взаимодействия национальных экономик, получивших в экономической литературе название «оптимальная валютная зона». Классические исследования этой проблемы 1960 – 1970-х гг., получившие отражение в работах Роберта Манделла [Mundell, Robert A., 1961. С. 657–665], Роналда МакКиннона [McKinnon, Ronald I., 1963. С. 717–725], затем Эдвина Тауэра, Томаса Д. Виллета [Tower E., Willett T., 1976] и других ученых определили гипотетический алгоритм решения проблем.

Согласно этому алгоритму, формируя тот или иной режим кооперативного взаимодействия в валютном сегменте финансов, страны-участницы должны ориентироваться на получение ряда выгод, обеспечиваемых самим интеграционным процессом. В частности, в числе основных выигрышей при формировании оптимальной валютной зоны назывались следующие:

- снижение транзакционных издержек, возникающих в процессе торговли с партнерами по зоне;
- избавление от чрезмерной волатильности обменных курсов;
- получение возможности влияния на уровень инфляции;
- снижение затрат на эмиссию денежных знаков;
- создание дополнительной «подушки безопасности» на случай финансовых шоков.

Правда, по мнению последователей идей Р. Манделла, для достижения таких результатов необходимо соблюдать ряд обязательных условий формирования валютного союза.

Во-первых, торговля между странами-участницами должна преобладать над торговлей с третьими странами (т. е. большая открытость экономик внутри зоны по сравнению с внешней). Во-вторых, должно быть сходство в экономической структуре членов союза, а, следовательно, и одинаковая реакция на внешние раздражения (шоки). В-третьих, необходимо обеспечение высокой мобильности

труда и капитала.

Кроме того, в качестве платы за полученные позитивные результаты страны, входящие в зону, должны были в значительной степени отказаться от независимой экономической политики, в т. ч. и в эмиссионной сфере. Согласно этой теории, именно единый валютный инструмент способен обеспечить получение эффектов от организации такой зоны.

Как показала более чем полувековая история реализации этих идей, положительный баланс приобретений и потерь при вступлении в такую валютную зону не был очевиден. Наиболее успешным из реализованных проектов было создание «зоны евро». Было также несколько попыток реализации подобных проектов в различных регионах мира, но массового применения такие практики не получили. [Моисеев, 2016. С. 56 – 76]

В качестве альтернативы организации взаимодействий по Манделлу теоретически были сформулированы и другие варианты эффективного межгосударственного сотрудничества, не предполагающие утрату участниками контроля над эмиссией. В частности, противоположностью теоретической модели, ориентированной на инструментальную моновалютность, была концепция, интерпретирующая для сопровождения международных транзакций популярную либеральную систему «конкурентных денег». Эффективность использования децентрализованной эмиссии национальных денег, которую обосновал Ф.Хайек, стала основанием для разработок мультивалютных инструментальных систем. [Хайек, Фридрих А., 1996] Последователи такой идеи доказывали, что именно использование различных валют в международном обороте обеспечивает поддержку множественных состояний равновесия в мировой экономике, ее устойчивость и противостояние шокам. [Rey, H., 2001. С. 443–464] Но и эта теоретическая модель в рафинированном виде реализации не получила.

Однако в модифицированных, теоретически «смягченных» вариантах отдельные элементы теории оптимальных валютных зон и теории децентрализован-

ных денег, были включены в программы формирования валютной политики во многих регионах мира.

Одним из таких регионов была Северо-Восточная Азия, в которой во второй половине XX в. развернулась цепь экономических модернизационных проектов. В этот период характер развития региона определяли экономики, каждая из которых позже стала относиться экспертами к категории так называемых «экономических чудес». В разные периоды времени высокоэффективные преобразования хозяйственных систем осуществили Япония (в 1950 – 1960 гг.), Ю. Корея, Тайвань, Гонконг (в 1960 – 1990 гг.), КНР (в 1980 – 2010 гг.). Важной составной частью проведенных реформ были модернизация монетарной сферы, создание эффективной финансовой инфраструктуры, включая ее международную составляющую. [Финансовые стратегии..., 2014]

При этом в каждой из национальных историй выбора валютных инструментов отчетливо выделяются три этапа, каждый из которых соответствует одному из периодов осуществляемого реформирования.

На начальном этапе – жесткая валютная политика, поддержание фиксированного валютного курса и использование негибких инструментов для внешнеэкономических операций. Это позволяло активно применять для стимулирования роста и модернизации экономики политику заниженного валютного курса, девальвационную стратегию финансирования развития. В созданных условиях можно было осуществлять экспорт производимых в стране товаров с высокой эффективностью, и одновременно для национальных экономик создавался защитный механизм от импортной экспансии.

Стратегия поддержания низкого курса (или его регулярного понижения) по отношению к основной мировой резервной валюте – доллару США – являлась (и является) характерным приемом для всех реформируемых экономик в Северо-Восточной Азии. Это было универсальное решение, применявшееся в странах с принципиально разными потенциалами развития и использовавшимися макроэкономическими моделями. Именно его активно использовали и японская, и южно-корейская, и китайская реформационные практики (табл. 1).

Таблица 1

Динамика курса национальной валюты к доллару США в периоды модернизации экономики в странах Северо-Восточной Азии

Годы	Япония (иена/доллар)	Ю. Корея (вона/доллар)	Китай (юань/доллар)
1950	360	-	-
1955	360	-	-
1960	360	63,1	-
1965	360	265,4	-
1970	360	310,6	-
1975	296,8	484,0	-
1980	236,7	607,4	1,5
1985	238,5	870,0	2,94
1990	144,8	707,8	4,78
1995	94,1	771,3	8,35
2000	107,8	1131,0	8,28
2005	110,2	1024,1	8,19
2010	79,8	1108,3	6,30

Источник: составлено по Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. С. 29.

На следующем этапе (после получения положительных результатов реформирования) в странах СВА начала осуществляться постепенная рыночная либерализация валютной сферы. Она предполагала появление более сложных механизмов и инструментальных конфигураций для проведения внешнеэкономической политики, выведение национальной валюты в международный оборот, осуществление курсообразования с учетом реального спроса и предложения, обеспечивающее преодоление разрыва между реальным и номинальным эффективным курсом национальной валюты.

Такая практика была активной составляющей механизмов осуществления как внутриэкономических, так и внешнеэкономических программ, ориентированных на поддержку экономического роста. [Historical..., 2000; Биндер, Конов, 2014; Lincoln, 1998, С. 57–66]

На третьем этапе актуальным стал поиск путей повышения эффективности за счет монетарной кооперации с другими странами, в т. ч. за счет формирования валютных зон. [Kwan, 2001; Transformation..., 2011; Портяков, 2004. С. 76–77] В качестве эффективной валютной политики странами СВА стали рассматриваться сценарии перехода во внешнеэкономических транзакциях на инструменты, привязанные к национальной валюте: формирование йеновой зоны в 1980-е гг., юаневой зоны в 2000-х годах, активную подготовку к эмиссии азиатской коллективной валюты.

Однако сложившаяся конструкция глобальной финансовой системы не благоприятствует получению странами СВА сильных позиций в качестве эмитентов резервных валют. Во второй половине XX-го в. ведущую позицию среди резервных валют занял доллар США – страны, которая имеет безусловное лидерство в экономическом мире. Несколько смягчило однополярную финансовую архитектуру активное продвижение евро в период после 2000-го года. Но принципиально «долларизация» мировой экономики является безусловным фактом современного состояния мировых финансов.

В первое десятилетие XXI в., в осо-

бенности в период мирового кризиса 2008 – 2009 гг., негативные оценки сложившейся валютной системы получили широкое распространение. В мировой экономической системе наблюдается устойчивая тенденция к формированию более сложной и одновременно более надежной мультивалютной финансовой инфраструктуры. В частности, Европейская комиссия в программном документе указывает, что «... современные глобальные тренды и появление новых экономических держав наряду с разработкой новых технологий поддерживает потенциальный переход к более диверсифицированной и многополярной системе, в которой используются несколько глобальных валют». [EUROPEAN..., 2018] Особое место среди сформулированных целей занимает отказ от доллара при проведении сделок в сырьевом секторе мировой экономики. Сейчас на рынке нефти контракты на эталонные сорта котируются исключительно в долларах. Основная часть поставок в Европу газа, в том числе и из России, также оплачивается в американской валюте. Аналогичная ситуация складывается на других стратегических рынках (зерна, металлов, минерального сырья и др.).

О снижении доли долларовых транзакций в качестве перспективной цели явно или косвенно объявили многие страны, в т. ч. и ряд стран СВА, повышая долю национальных валют в международных расчетах.

Пока валюты стран Северо-Восточной Азии занимают крайне низкую долю в мировых транзакциях. Согласно докладу международной платежной системы SWIFT, совокупная доля юаня и иены не превышала в международных расчетах 5% (табл. 2). Несколько большую долю (около 7%) они занимают в мировом портфеле официальных валютных резервов (табл. 3).

В настоящее время задачи совершенствования и активизации использования собственного валютного инструментария остаются важной частью международных программ, осуществляемых странами СВА. Так, например, крупнейший внешнеэкономический проект КНР

Таблица 2

**Доля национальных валют
в платежных операциях SWIFT
(декабрь 2017), %**

Доллар США	39,85
Евро ЕС	35,66
Фунт стерлингов, Великобритания	7,07
Иена, Япония	2,96
Юань, Китай	1,61
Доллар, Канада	1,51
Доллар, Австралия	1,39
Франк, Швейцария	1,26
Доллар Гонконг	1,22

Источник: SWIFTRMB Trackers January 2018

Таблица 3

**Доля национальных валют
в официальных валютных резервах
стран мира (2017), %**

Доллар США	62,3
Евро ЕС	20,3
Иена, Япония	5,0
Фунт стерлингов, Великобритания	4,5
Доллар, Канада	1,9
Юань, Китай	1,8

Источник: International Financial Statistics. IMF eLibrary Data Base

«Экономический пояс Шелкового пути» направлен не только на создание мощной инфраструктуры, обеспечивающей интересы развития экономики КНР. Как подчеркивают аналитики, одновременно он является механизмом, расширяющим использование национальной валюты – юаня – для проведения различного типа международных транзакций (внешнеторговых расчетов, инвестиций, кредитования и пр.). [К Великому..., 2018. С. 9]

Специалисты достаточно давно предсказывают появление в мировой валютной системе новой конфигурации с весомым участием эмиссионного центра, расположенного в Северо-Восточной Азии, который не только «будет конкурировать за статус резервной валюты де

факто и за право получать сеньораж», но и займет до 15% глобальных финансов. [Миркин, 2015. С. 58–61]

При этом осуществление прогноза рассматривается в исследованиях в различных вариантах, в т. ч. тех, для которых уже была проведена подготовительная стадия в разные периоды обсуждения идеи о глобализации азиатских валют (иены, юаня, коллективной валюты АСУ и др.). Вероятность активизации практического применения каждого конкретного из названных валютных инструментов будет зависеть от большого числа факторов: экономических, политических, финансово-технологических. Однако принципиальную реализуемость прогноза о резком усилении глобальной значимости валют стран СВА подтверждают устойчивые тренды развития финансовых процессов как в самом регионе, так и в мировой экономической системе. [Lee, Park, 2014]

В частности, важным фактом, позволяющим оценивать тенденцию ряда стран более тесно интегрировать свои валютные отношения, является заключенное более 15 лет назад соглашение между Центральным Банком Российской Федерации и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах от 22 августа 2002 г. Необходимость согласования была продиктована стремлением стран-участниц избежать долларизации своих приграничных расчетов, а также снизить издержки торговых агентов, связанные с конвертацией валют в регионе на линии «Российский Дальний Восток – Северо-Восточный Китай». [Врагова, Симутин, 2007]

Полноценная реализация этого соглашения позволила бы создать предпосылки для монетарной интеграции России и КНР в большем масштабе. Однако этого не произошло. Препятствиями стали противопоставление технологической отлаженности традиционных форм трансграничных расчетов и сложности перехода на новые транзакции, различия в регуляторных практиках, а также повышенные риски при использовании национальных валют. Отметим, что аналогичные проблемы были отмечены

при использовании соглашений о про-изведении расчетов в национальных валютах на границах КНР с Вьетнамом и Монголией.

На новом этапе развития отношений между Россией и Китаем накопленный в проведенном эксперименте опыт может быть эффективно использован.

В настоящее время значительное число экспертов оценивают китайский юань в среднесрочном периоде как реальную альтернативу доллару и в качестве расчетной, и в качестве резервной валюты. Наряду с евро этот валютный инструмент Россия может эффективно использовать при осуществлении объявленной (и в определенной мере вынужденной из-за санкционных действий США) программы «дедолларизации» российской экономики. В ее рамках наиболее эффективными могут стать активизация и повышение доли недолларовых внешнеэкономических расчетов. В первую очередь эта стратегия реализуема во взаимоотношениях с поставившими аналогичные задачи по преодолению долларовой зависимости ЕС и КНР. Совпадение целевых установок и высокий уровень подготовленности национальных валютных инструментов в Европейском Союзе и Китае может, безусловно, существенно облегчить сложный переход России от высокорисковых в условиях санкций долларовых транзакций к расчетам в более прогнозируемых и, следовательно, более рациональных инструментах международных транзакций. Эффект от такого перехода, несомненно, окажет существенное влияние на национальную экономику России, поскольку и Европейский Союз, и КНР относятся к самым крупным внешне-торговым партнерам России.

Список литературы:

1. Биндер А., Кононов А. Валютная политика КНР: исторический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2.
2. Валлиулин Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2008. № 11.
3. Врагова Н. К., Симутин Н. А. Меж-банковские расчеты как фактор цивили-зованного развития внешнеторговых от-ношений приграничных регионов России и Китая // Деньги и кредит. 2007 № 2.
4. К Великому океану-3. Аналитиче-ский доклад Международного дискус-сионного клуба «Валдай». Москва, июнь 2015.
5. Миркин Я. М. Развивающиеся рын-ки и Россия в структуре глобальных фи-нансов: финансовое будущее, многолет-ние тренды. М.: Магистр 2015.
6. Моисеев С. Приключения теории оптимальных валютных зон // Вопросы экономики, 2016. № 2. С. 56–76.
7. Портяков В. Россия и Китай в ми-ровой экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2004 № 6.
8. Финансовые стратегии модерниза-ции экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. 496 с.
9. Хайек, Фридрих А. Частные деньги. М: Институт Национальной Модели Эко-номики, 1996.
10. Chown J. A History of Monetary Unions, London: Routledge. 2003.
11. EUROPEAN COMMISSION RECOMMENDATION of 5.12.2018 on the international role of the euro in the field of energy {SWD(2018) 483}
12. Historical Exchange Rate Regime of Asian Countries. Korea. The Chinese University of Hong Kong. 2000.
13. Kwan C.Y. Yen Bloc. Brookings Institution Press. Washington D.C. 2001.
14. Lee, I. H. and Park, Y. C. Use of National Currencies for Trade Settlement in East Asia: A Proposal. ADBI Working Paper Series, № 474, 2014 (April)
15. Lincoln E. Japans Financial Message // Foreign Affairs 1998 №77 pp.57–66
16. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1963. Vol. 53 (LIII). Pp. 717–25.
17. Mundell, Robert A. A Theory of Optimal Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51 (LI) PP. 657–65.
18. Rey, H. International Trade and Currency Exchange. Review of Economic

Studies, 2001 2 (68), pp. 443–464

1976.

19. Tower E., Willett T. The Theory of Optimum Currency Areas and Exchange Rate Flexibility, Princeton University.

20. Transformation of South Korea / ed. by B. Kim and E. F. Vogel. Harvard University Press, 2011.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М. Тенденции структурных сдвигов в валютном инструментарии взаимодействия стран Северо-Восточной Азии // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 74–81. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81

Renzin Oleg Markovich – deputy director, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). E-mail: renzin@ecrin.ru

Trends in the structural shifts in the currency instruments of interaction between the countries of the North-Eastern Asia

Among the indicators that allow assessing the potential level and effectiveness of the development of integration mechanisms, an important place is occupied by indicators characterizing the monetary policy pursued by countries, the adoption or rejection of the use of certain financial instruments that ensure international trade and investment processes. Taking into account these positions, when assessing the economic processes occurring in the North-Eastern Asia, it should be recognized that it is necessary to consider the monetary policy options of the countries in this region. They are an important component of scenario forecasts of development not only for the Asia-Pacific region, but also for the global financial system, since ideas about the global configuration of economic interactions are closely related to the implementation of various financial infrastructure formation strategies in this macro-region. The article discusses trends that determine potential changes in the formats of interstate interactions of NEA countries, analyzes the impact of incentives and restrictions on the use of regional currencies, and estimates the prospects for including NEA currencies in global financial configurations.

Ключевые слова: the North-Eastern Asia (NEA); world financial system; currency instruments; integration processes.

References:

1. Binder A., Kononov A. Monetary policy of the PRC: the historical aspect. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2014, no. 2. (In Russian).

2. Valliulin H. Retrospective analysis of the genesis of currency zones. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], 2008, no. 11. (In Russian).

3. Vragov N. K., Simutina N. L. Inter-bank settlements as a factor in the civilized development of foreign trade relations in border regions of Russia and China. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2007, no. 2. (In Russian).

4. To the Great Ocean-3. Analytical report of the Valdai International Discussion

Club. Moscow, June 2015. (In Russian).

5. Mirkin Ya. M. Emerging markets and Russia in the structure of global finance: financial future, long-term trends. M.: Master 2015. (In Russian).

6. Moiseev S. Adventures of the Theory of Optimal Currency Zones. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], 2016, no. 2, pp. 56–76. (In Russian).

7. Portyakov V. Russia and China in the World Economy *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2004, no. 6. (In Russian).

8. Financial strategies for the modernization of the economy: world practice / ed. Ya. M. Mirkina. M.: Master, 2014. 496 p. (In Russian).

9. Hayek, Friedrich A. Private Money. M: Institute of National Models of Economics,

1996. (In Russian).

10. Chown J. A History of Monetary Unions, London: Routledge. 2003.

11. EUROPEAN COMMISSION RECOMMENDATION of 12/12/2018 on SWF (2018) 483}

12. Historical Exchange Rate Regime of Asian Countries. Korea. The Chinese University of Hong Kong. 2000.

13. Kwan C.Y. Yen Bloc. Brookings Institution Press. Washington D.C. 2001.

14. Lee, I. H. and Park, Y. C. Use of National Currencies for Trade Settlement in East Asia: A Proposal. ADBI Working Paper Series, No. 474, 2014 (April).

15. Lincoln E. Japans Financial Message

// Foreign Affairs 1998 №77 pp.57–66.

16. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1963. Vol. 53 (LIII). RR. 717-25.

17. Mundell, Robert A. A Theory of Optimal Currency Areas // American Economic Review. -1961. - Vol. 51 (LI) PP. 657–65.

18. Rey, H. International Trade and Currency Exchange. Review of Economic Studies, 2001 2 (68), pp. 443–464.

19. Tower E., Willett T. The Theory of Optimum Currency Rates and Exchange Rate Flexibility, Princeton University. 1976.

20. Transformation of South Korea / ed. by B. Kim and E. F. Vogel. Harvard University Press, 2011.

Reference to the article

Renzin O. M. Trends in the structural shifts in the currency instruments of interaction between the countries of the North-Eastern Asia // Power and Administration in the East of Russia. 2018. No. 4 (85). Pp. 74–81. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-74-81
